

На успешной ноте

Наш сегодняшний гость – пианист Юрий Гончаров – настоящий пример для подражания. С 2014 года он – действительный член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина, с 2015 – профессор, кавалер ордена «Екатерина Великая» за вклад в музыкальную науку и искусство. А еще раньше Юрий был концертмейстером нескольких театров и, являясь лауреатом и дипломантом многих международных конкурсов и фестивалей, покорила не только европейскую публику, но и Китай. Своим творчеством он радует слушателей со всего мира. Мы поговорили с Юрием о том, где может проявить себя пианист, о слушателях из разных стран и о будущем классической музыки.

– Юрий, расскажите, как Вы пришли к тому, чтобы стать музыкантом.

– Мой старший брат занимался музыкой, и я заинтересовался его выступлениями. Музыкальное образование я получил в Московской консерватории им. П. И. Чайковского, которую окончил по классам специального фортепиано профессора В. В. Горностаевой, камерного ансамбля профессора М. В. Мильмана – продолжателей традиций легендарного Г. Г. Нейгауза. Ассистенту-стажировку закончил уже в Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, будучи одним из последних аспирантов профессора В. В. Нильсена. Можно сказать, я выбрал в себя лучшее из Москвы и Петербурга. Играю также на клавесине и органе, преподаю в одном из университетов Китая.

– И как Вам китайская публика?

– Очень отличается от нашей! Китайцы любят европейцев, они очень заинтересованные зрители и слушатели. Перед выходом на сцену там не волнуешься, атмосфера всегда спокойная. Хотя из-за некоторых особенностей их системы воспитания у них ко всему и проявляется несколько формальное отношение, но их можно и нужно «завести». В этом российская публика мне нравится больше.

– А чем занимаетесь помимо фортепиано?

– Как я уже упомянул, у меня есть опыт игры на клавесине и органе. В прошлом году меня пригласили в Германию играть на органе по случаю празднования 500-летия Реформации. Для меня это было очень необычно и знаменательно. Несмотря на то, что в России у меня нет возможности постоянно практиковаться на органе, я справился, и, надо сказать, успешно. Еще я иногда снимаюсь в кино. Мой дебют состоялся в фильме «Бункер» (2004) про Третий Рейх. Там был эпизод, когда Берлин уже бомбят, и Ева Браун внезапно вскрикивает: «Кто может играть на рояле?». И вот я сажусь за рояль и начинаю играть не что-нибудь, а... о, ужас, американский свинг – музыку врага – и после короткого замешательства все начинают неистово танцевать.

– Не поделитесь творческими планами на ближайшее время?

– Недавно мой коллега из Германии, скрипач, предложил сделать концерт. Думаю, получится в сентябре. У нас с ним уже проходили интересные встречи в рамках проекта «Германия прошлого и настоящего», в которых мы представляли музыку немецких композиторов.

– И напоследок: есть ли, по-Вашему, будущее у академической музыки?

– Разумеется, есть. Последнее время прослеживается тенденция сочетания классики с более «доступными» жанрами. В той же Поднебесной, например, пытаются совмещать ее с другими видами искусства: кино, театром, шоу. К классике будут обращаться во все времена, она преобразовывается, но никогда не умрет.

Корреспондент Виктория Вернер